

Отзыв о диссертации Романа Николаевича Кривко
«Текстология и язык славянских служебных миней XI–XIV вв.»,
представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук по
специальности 10.02.03 – Славянские языки

Представленный к защите текст содержит 1 миллион 107 тысяч 395 знаков или 27,6 авторских листов, умещенных, согласно статистическим сведениям о компьютерном файле, на 777 страницах.¹ Диссертация посвящена *истории текста и языковых особенностей* славянских служебных миней древнеболгарского, среднеболгарского, древнесербского и древнерусского изводов XI–XIV вв., *"описанию засвидетельствованных и реконструкции утраченных звеньев текстологической традиции этой группы рукописей"*. В качестве цели работы автором заявлена *"разработка методов системного и комплексного параллельного анализа византийских и славянских гимнографических рукописных источников с использованием приёмов сравнительно-исторического лингвистического, палеографического, кодикологического и текстологического исследования"*.

Работа состоит из разделов "Введение", "История вопроса", "Часть I. Византийские источники славянских служебных миней", "Часть II. Лингвистический анализ памятников славянской гимнографии", "Часть III. Ритм и метр церковнославянской гимнографии", "Часть IV. Славянские служебные миней как источник по византийской гимнографии", "Заключение", а также из всех предусмотренных жанром справочных частей. В работе нет выводов, которые делались бы по завершении каждой из четырех крупных частей.

Часть I состоит из трех глав – "Глава I. Предыстория миней: палестинский тропологий на славянском фоне", "Глава II. Историческая типология византийских и славянских служебных миней IX–XIV вв.", "Глава III. Среднеболгарский перевод византийской миней XIII–XIV вв.". Главы I и II завершаются выводами, третья глава их лишена.

Часть II состоит из четырех глав – "Глава I. Лексический узус", "Глава II. Орфография в ряду текстологических примет", "Глава III. Древнеболгарский пласт в ростовской служебной минее XIII в.", "Глава IV. Текстологические пласты в древних славянских кондаках". Вся часть лишена теоретического введения. Выводы завершают главы I и III, главы II и IV их не имеют.

Часть III состоит из двух глав – "Глава I. Метрика славянской гимнографии в исследованиях XIX–XXI вв.", "Глава II. Критика и реконструкция текстов". Теоретического введения и заключения нет, обе главы не завершаются выводами.

¹ В связи с несовпадением пагинации в компьютерном файле и в предоставленной автором печатной версии работы отсылка к отдельным страницам рукописи в настоящем отзыве не делается.

Часть IV составляют две главы – "Глава I. Византийский песнописец Георгий в свете славянских данных", "Глава II. Нарях *legomenon* λυβίς и его славянский перевод". Теоретического введения и заключения нет, обе главы лишены выводов.

В разделе "Введение" выдвигается целый ряд гипотез и положений, в дальнейшем в целом и во многих частностях подтверждаемых в ходе работы. В отзыве нет возможности и необходимости подробно рассматривать все доказательства всех выдвигаемых гипотез и выносимых на защиту положений; как обычно, достаточно ограничиться теми из них, которые представляются оппоненту ключевыми для достижения *цели* работы. В данном конкретном случае нужно принять во внимание, что текст диссертации гетерогенен, поскольку объединяет под одним названием и одним переплетом (= в одном файле) как тексты, написанные специально в качестве разделов диссертационного сочинения, так и переработанные статьи автора разных лет. Степень структурного и тематического единства диссертационного текста существенно неодинакова по разделам и резко уменьшается к его концу, к Части IV. В результате, с одной стороны, оказывается охваченным очень широкий круг связанных с заявленной темой работы вопросов, рассмотрение которых позволяет автору продемонстрировать достойное уважения и восхищения трудолюбие, кропотливость, незаурядную эрудицию, но с другой стороны, интегрирующие текст в единое целое признаки не только не всегда эксплицированы, но иногда и вообще трудно установимы. Историческая разнородность частей лишь частично была преодолена автором в ходе их интеграции в состав одного текста.

Разрабатываемые автором методы научного филологического исследования, будучи корректно примененными к материалу, позволяют автору выдвинуть гипотезы об исторических типах славянской (и греческой) служебной минеи; установить влияние внутренне неоднородной – палестинской, иерусалимской, синайской, антиохийской, восточной малоазийской, константинопольской, итало-греческой – византийской традиции на традицию славянскую не только в целом, но и в части *отдельных исторических и разных региональных типов*, а также оценить значение этого частного влияния для конкретного извода церковнославянской письменной культуры; определить для ряда исторических типов славянской служебной минеи свойственные им языковые признаки, связанные с формированием изводов церковнославянского языка XI–XIV вв. как одним из результатов византийско-славянских литургических контактов.

С целью избежать утопания в бесчисленных интереснейших и важнейших деталях, оппонент осуществит выборочное и сокращенное рассмотрение выдвигаемых автором ключевых положений, применяя ныне вошедшие в употребление *simplicity filters*, т.е. изрядную долю упрощения. Описывая данные непосредственному наблюдению *состав* и

язык каждой конкретной славянской рукописи и критически опираясь на научную литературу, автор высказывает в различной степени обоснованные фактами суждения о времени появления типов рукописей, о их "греческом образце" (или "типологическом прототипе", или "типологическом образце"), о месте появления, возможно, авторстве и других характеристиках.

Так, "древнейший церковнославянский гимнографический корпус, или древнейший пласт церковнославянской минеи", как сообщает Р. Н. Кривко, по составу содержат «общую минею» Климента и службы праздникам с их жанровыми и терминологическими особенностями. Язык древнейшего корпуса, утверждает автор, отличаются фонетические (в т.ч. прослеживаемые по акростихам), лексические и морфологические особенности, указывающие на "древний юго-западный извод церковнославянского языка рубежа IX–X вв.". Датируемые рубежом IX–X вв.,² в качестве "типологического прототипа" они имели "архаический региональный (неконстантинопольский) тип византийской служебной минеи" и, по мнению автора, бытовали "на юго-западе славянского языкового ареала, в западных регионах Первого Болгарского царства".

Хронологически следующая "младшая древнеболгарская группа текстов минеи (или младшие древнеболгарские тексты архаического регионального типа)" по составу характеризуется "дополнением архаического корпуса праздничной минеи до полной повседневной минеи", тогда как по языку – "сменой языковых стратегий", отразившейся в переходе к "пословному переводу и последовательному морфемному калькированию", и "инновациями в области морфологии". Предположительное время бытования текстов группы – "после «эпохи Климента»", в качестве их "типологического прототипа" остаётся "архаический региональный тип византийской минеи", тогда как местом бытования предлагается считать Первое Болгарское царство.

За этим, полагает Р. Н. Кривко, следует позднедревнеболгарская *полная служебная минея*, устроенная "по архаическому византийскому образцу константинопольского типа", бытовавшая на рубеже десятого – одиннадцатого веков³ и легшая в основу древнерусских служебных миней. Последние, хотя и имеют свои графико-орфографические особенности и были отредактированы по Уставу Алексия Студита, "свидетельствуют об особой языковой традиции, которая не имеет надёжных параллелей в составе старославянского корпуса". За ними следуют иные типы в иных славянских ареалах.

Итоговые обобщения автора принимают следующий облик (грамматические особенности оригинала сохранены): "...древненовгородские служебные минеи, ...включают в

² На этом фоне ошибочным выглядит упоминание "древнейшей славянской традиции XI–XII вв.".

³ В диссертации опечатка – "рубеж *девятого* – одиннадцатого веков".

себя такие типологически разные рукописи, как, с одной стороны, архаические константинопольские «ягичевы минеи» и родственные им минеи типографского и синодального комплектов, с другой стороны, архаические неконстантинопольские Ильина книга или Путятина минея." (К последним примыкают Зограф53 и древнейшая часть Братковской минеи).

Несмотря на критериальную разноречивость (не всегда последовательно применены историко-культурные, текстологические, переводоведческие, лингвистические критерии); на неэксплицитность или даже отсутствие минимально достаточного числа лингвистических критериев выделения второго, третьего и четвертого типов; на смещение фокуса авторского внимания на древнейший тип в ущерб детальности и убедительности разработки признаков трех других; а также на неполноту освещения исторического контекста бытования типов рукописей, данная "историко-типологическая" (в терминологии автора) классификация представляет собой интересный и оригинальный вклад в попытки реконструкции истории славянской письменности.

Сам текст диссертации содержит разные по объему фрагменты различных научных жанров. Не претендуя на полноту, укажем на следующие:

- 1) *критические обзоры научной литературы* (например, по истории вопроса диссертации или по метрике славянской гимнографии);
- 2) *оригинальное научное исследование* (большинство разделов глав);
- 3) *материалы к отдельной словарной статье и материалы к словарю* (например, многостраничный раздел о значениях слова *трьба* и подробное описание лексем, "представленных в двух древнейших списках славянской служебной минеи на август (*Та, Са*) и отсутствующих в... славянских словарях и индексах");
- 4) *графико-орфографическое и историко-фонетическое описание языка рукописи* (например, служебной минеи на август "типографского комплекта");
- 5) *критическая публикация* славянского и греческого рукописного текста с разночтениями и комментариями (например, перевод первого тропаря пятой песни канона прмч. Стефану; стихиры на предпразднство Успения Пресв. Богородицы; проимий кондака Зачатию Иоанна Предтечи; Канон Успению Богородицы *Τάφφ παρθενობόχφ*; славянские версии кондака вмч. Димитрию и их греческий оригинал и мн. др.).

Принадлежащие автору тексты разных научных жанров даны в смешении, хотя как минимум словарные материалы и в особенности издания рукописей с разночтениями и комментариями следовало бы поместить в приложения. никоим образом не умаляя значение проделанной автором источниковедческой, историко-лингвистической, лексикографической

и публикационной работы, рецензент не может приветствовать недостаточную структурную и жанровую целостность представляемой к защите рукописи.

Рецензент вычленяет четыре части рукописи диссертации в качестве важнейших для разработки заявленной темы *оригинальных исследовательских разделов*, или *ядра работы*. Это Глава II. Части I, называемая "Историческая типология византийских и славянских служебных миней IX–XIV вв.", и первые три главы Части II, озаглавленной "Лингвистический анализ памятников славянской гимнографии".

По каждой из глав можно высказать соображения, учет которых мог бы как минимум облегчить заинтересованному читателю восприятие насыщенного текста, а как максимум – повысить степень смысловой и терминологической когерентности всей работы.

При перечислении типологически релевантных жанров служебной минеи в начале Главы II было бы крайне полезно окончательно выверить научную терминологию (в отличие от терминологии, используемой в самих рукописях) и привести существенно расширенные, строгие, снабженные исторически вариативными, желательными прототипическими примерами⁴ толкования важнейших встречающихся в тексте работы понятий, как "тропарь" (как самостоятельный гимн, как "тропарь на блаженны", как часть канона и проч.), "ирмос", "блаженны", "воскресные блаженны", "праздничные блаженны", "кондак", "проимий", "первый, второй проимий", "икос", "монострофный кондак", "двустрофный кондак", "полный кондак", "неполный кондак", "стихира", "стихира-тропарь", "зачало стихир", "седален", "праздничный седален (на каждый день)", "(гимнографический) канон", "канон без акростиха", "зачало канона", "первая..., шестая песнь канона", "катавасия", "строфа", "строфа-тропарь", "строка тропаря", "монострофный гимн", "многоstroфный гимн", "многоstroфная гимнографическая поэма (гимн)", "фразовый акростих", "алфавитный акростих", "малый жанр", "богослужебный порядок", "пожанровый порядок", "комбинированные тексты", "литургическая позиция на утрене", "литургическая позиция на вечерне", "запись... [на позиции] в порядке исключения" и проч., и проч. Затем следовало упорядочить использование этих терминов в работе, где, например, о рукописи *Cr12*, "служебная минея на август, одиннадцатого века", читаем, что она "содержит седалны, стихир, канон, кондак и икос, расположенные после шестой песни канона". В другом месте работы *икос* определялся как основная часть *кондака*, тогда как иной его частью, вводной, является *проимий* (охарактеризованный в главе "Кондак и канон: к истории вопроса", но вообще не упомянутый при важнейшем перечислении и характеристике "типологически значимых жанров служебной минеи"). Во многих местах диссертации автор, осознанно

⁴ Можно использовать систему отсылок к примерам текстов разных жанров, встречающихся в рукописи в иных местах.

употребляя сочинение в "кондак и икос", как представляется, целенаправленно не различает термины *кондак* и *проимий* (ср. "рукопись... содержит один монострофный кондак, точнее проимий"; ср. также в другом месте: "«Кондаком» это монострофное песнопение является только согласно заглавию, на самом деле это первый икос кондака арх. Михаилу."). С учетом важности именно жанра кондака для разработанной автором историко-типологической классификации служебных миней и вычленения архаического регионального типа, нужно было обратить внимание на то, что такая характеристика состава рукописи, как "кондак отсутствует" в итоге может пониматься читателем неоднозначно.

Следовало перечислить типологически релевантные литургические позиции произведений разных жанров, облегчая читателю понимание формулировок вроде "...кондак исполняется после шестой песни гимнографического канона; в ранних минеях он иногда встречается также после третьей песни, то есть на литургической позиции *седальна*" или "Расположение всех жанров согласно их литургической позиции – основное типологическое отличие нового типа по сравнению с архаическими". Полезно было бы привести полное перечисление всех встреченных автором *типов* жанров служебной минеи, несмотря на очевидную предварительность таких списков.

Описанию источников в Части I очень недостает визуализированной, сведенной в таблицы информации о присутствии или отсутствии текстов отдельных жанров в единичных рукописях, прежде всего – хотя бы! – в древнейших и важнейших, таких как Ильина книга или Путятина минея, включая (не)совпадения с древнейшими византийскими служебными минеями. Визуализация классификационных признаков типов миней в таблице позволила бы автору обнаружить и затем, возможно, заполнить лакуны в части лингвистических критериев вычленения трех типов, следующих после древнейшего.

В Части II рассмотрены лингвистические явления, которым автор, в большинстве случаев справедливо, отказывает в "текстологической нейтральности", усматривая в большинстве их *указание на юго-запад южнославянского ареала* (в неточной терминологии автора – "юго-западнославянский диалектный ареал") как на область особого древнего книжного узуса, опирающегося на признаки диалектного ареала, "в границах которого", по мнению автора, "происходило, в частности, становление церковнославянской гимнографии". Некоторые из этих признаков, на взгляд оппонента, носят не системный, но атомистичный, часто лексикализованный характер. Речь идет, в частности, о словоупотреблениях ст.-сл. и др.-рус. *свьръстѣница* 'супруга' и *вьрста* 'пара' (здесь было бы полезным привлечение данных македонской диалектной лексикографии); напротив, "использование слова *трѣба* для наименования Св. Даров" трактуется в работе как терминологическая инновация Преславской школы. Одновременно с этим неясно, каково значение приводимых в работе

обильных лексических материалов (например, обнаруженных автором в двух списках служебной минеи на август (*Ta, Ca*) 123-х лексем, не зафиксированных в славянских исторических словарях), для достижения заявленной главной цели исследования. Среди этих материалов описки (*Биство*), смешения корней в составе церковнославянских композитов (например, *бог-* и *благ-* в *Благодѣтиць*), неясные случаи (*Благоправитиса*), случаи порчи (*Борьникъ*) и др. Не единичен пример, когда в словарной статье, посвященной одной лексеме, гораздо более детально рассматривается другая, встречающаяся в иллюстративном контексте употребления первой. Так, в статье *Безѣтажаньнъ, Относящийся к бедности, нестяжанию*. обсуждается не только и не столько регулярное частеречное соответствие греческому существительному в форме родительного атрибутивного, передающее атрибутивную функцию греческого родительного падежа в метафоре τῆς ἰστίῃ πτεροῦμενος τῆς ἀκτημοσύνης 'окрыляемый парусом нестяжания [ты пересёк на корабле души бурное житейское море]', но значение 'парус' для слова *правило* 'руль', ранее в славянской исторической лексикографии не отмеченное. Точно так же в статье *Вьсенечьстьнъ, прил. В высшей степени нечестивый*. основное внимание уделено глаголу *извѣстивати*. В статье *Свьзраститиса(?)*. *Быть выращенным вместе с чем-л.* внимание читателя на несколько страниц занято аллюзией на 1 Цар. 2:18-19 и обсуждением вопроса об эфодѣ (εφοῦδ αῖρ) – святой одежде, в которой совозрастал Самуил. Трудно признать вознаграждением за прилежное чтение вывод автора: "Неясно, в какой мере широкий контекст процитированных гимнов был ясен славянскому переводчику."

Обращая особое внимание на тот факт, что более 80 исследованных лексем являются поморфемными кальками с греческого, автор, с одной стороны, утверждает, что изученные "списки служебной минеи на август являются свидетелями её древнейшего церковнославянского перевода, выполненного на территории Первого Болгарского царства в течение десятого века", а "полученные данные имеют прямое отношение к лексикографии церковнославянского языка древнейшего периода", но одновременно, с другой стороны, он *избегает эксплицитного указания* на их бытование "на юго-западе" или "на востоке" Первого Болгарского царства. В пользу последнего свидетельствовала бы, в терминологии автора, "языковая стратегия пословного перевода и последовательного морфемного калькирования".

Влиянию происходящего из юго-западных регионов протографа, предположительно составлявшего утраченное звено в текстологической традиции церковнославянских гимнографических сочинений, приписано в работе наличие в раннедревнерусских памятниках адъективных членных форм им.п. ед.ч. м.р. на *-ои* (*чюдьной, судьной* и проч.). В

соответствующем разделе относительно велик объем отрицательной информации – целые страницы занимают перечисления форм из памятников, в которых не встретились адъективные формы на *-oi*. При обсуждении форм на *-oi* было бы полезным критически обсудить возможность их графического (сходство начертаний для *ера* и *онь* в глаголице) или аналогического объяснения (ср. указ. *тъ, того*; макед. *тој, того*), а также обратить внимание на судьбу флексии мягкого типа (*-ei*) как в языке рукописей, так и у южных славян. Нельзя поставить автору в вину, а можно лишь сожалеть, что в работе не использованы широко труды по южнославянской диалектной лексикографии, а также южнославянские диалектологические публикации, надежно документирующие явления, родственные исследуемым. В частности, при обсуждении адъективной флексии *-oi* в южнославянских диалектах (и ее историко-фонетического или все же, возможно, аналогического происхождения) полезными были бы работы Божидара Видоеского и Александра Младеновича о говоре области Гора. Очень незначительным и исключительно редким для данной конкретной работы фактическим недочетом является отнесение области Гора, расположенной на стыке юго-запада Метохии, северо-востока Албании и северо-запада Македонии, к Южной Албании.

Среди других признаков, указывающих, по мнению автора, чаще всего на (древний) южнославянский юго-запад, следует упомянуть следы буквы *stlo* в акростихах, безаффиксные *nomina actionis* вроде *сопъ vs. сыпанье*, суффикс *-ова-* vs. нулевой суффикс, грецизмы вроде *стадий* и, возможно, нек. др. Лингвистические "указания" на иные ареалы славянского диалектного пространства, позволявшие бы дополнить критерии вычленения типов памятников языка, оппоненту при чтении в достаточном количестве не встретились.

В некоторых редких, но особенно досадных случаях объединение автором фрагментов в единое диссертационное целое сопровождалось техническими сбоями, из которых важнейшим является отсутствие в списке использованной литературы ("Исследования") очень большого числа не просто упомянутых, но тщательно проработанных в самом тексте диссертации словарей, монографий, статей и прочих библиографических единиц. Рецензент, напрасно следуя рекомендации ζήτ(ει) ... εις τ(ὸ) τέλος τοῦ βιβλίου и непродуктивно затратив несоразмерное задаче количество времени, принял решение не продолжать исчисление, установив более 50-ти таких единиц, среди которых фундаментальные работы Ф. Миклошича, И. И. Срезневского, В. Ягича и др. (МСДРЯ; РЭС; LPGL; Jagić 1913; Jagić 1916; Keipert 2014; Дурново 2000/1924-1927; Живов 1998; Зализняк 2002 и мн., мн. др.). Эта авторская небрежность не позволит заинтересованному, но не очень осведомленному в славистической литературе читателю быстро и надежно пополнить свои познания.

Помимо десятков изданных, изучено *de visu* более 40 славянских и более 35 греческих рукописей. Учитываются новейшие, в т.ч. электронные публикации текстов (например на сайте <http://mns.udsu.ru/mns>), в т.ч. Минея праздничная ("Минея синайская", Cod. Sin. slav. 4/N. End of 11th cent., 1 bifolio, parchment, part of the liturgy of St. John the Baptist (June 24th) and Canon on the Holy Apostles Peter and Paul (June 29th). В списке исследовательской литературы указано 226 единиц кириллицей, 324 латиницей, 22 по-гречески; но *de facto*, как уже говорилось выше, использовано гораздо большее их количество.⁵ В сносках, которых в работе 837, в лучших филологических традициях зачастую детально и с постраничными комментариями излагается содержание цитируемой публикации. Примерами могут служить сноски 190, 192 или сноска 750.

Составленные автором пространные критические обзоры научной литературы содержательны, полны, корректны, учитывают эволюцию точек зрения цитируемых авторов (например, Р. О. Якобсона, А. Ю. Никифоровой и др.). Работу в высшей степени положительно характеризуют обращения к российской, славянской, западной и греческой научной литературе, к максимальному количеству славянских словарей и грамматик, включая те из них, которые незаслуженно до сих пор еще не находят широкого применения в отечественной славистике. В первую очередь имею в виду старославянскую грамматику Diels 1932. Исследовательская литература цитируется на языке оригинала – английском, немецком, французском, итальянском, латинском, болгарском, македонском, сербском, греческом, а цитаты из дореволюционных русских работ даны в старой орфографии. Для истории нашей филологии ценны и новые примеры "игнорирования славянской [научной – А. С.] литературы" в соответствии с принципом *slavica / rossica non leguntur*.

В работе доминируют дескриптивные филологический, лексикографический и переводоведческий подходы, сочетающиеся с применением объяснительных моделей текстологии и сравнительно-исторического языкознания. В целом текст характеризует поистине бесчисленное количество атомистических наблюдений, каждое из которых в абсолютном большинстве случаев *совершенно точно* (например, датировки рукописей как в случае Rg54, описание состава рукописи, установление почерков рукописи, поздних вставок в рукописные тексты как в случае Зогр53, различий между рукописями, греческих оригиналов славянских переводных текстов, орфографических и фонетических особенностей, грамматических форм лексем, морфемного состава славянской лексемы-кальки с греческого образца, семантики славянской или греческой лексемы, значения славянского или греческого грамматического оборота, славянского переводного эквивалента

⁵ Оставшиеся недоступными автору исследования, издания и важные рукописи также упомянуты. Например Kamp 2010 – Kamp A. Kliment von Ohrid (Klemens von Achrida) – Kanones für das Commune Sanctorum. Studie und Text, Materialien (= Münstersche Texte zur Slavistik, 5). Berlin, Münster: LIT, 2010.– 364 S.

греческому оригиналу и т.п.; наш список неполон). Однако при поиске адекватных историко-агиографических и литературных аллюзий автор — обычно за неимением иных возможностей — вполне осознанно и самокритично прибегает к гипотетическим построениям. Следует, с одной стороны, высоко оценить тщательность филологической работы автора с источниками и надежность установленных непосредственным наблюдением над источниками фактов. Одновременно, с другой стороны, следует обратить внимание на то, что высокая степень достоверности наблюдаемых фактов языка и текста противостоит гипотетичности и даже прямо упоминаемой в работе спекулятивности реконструкций, как единично-фактических (в особенности при соотнесении парафрастического или пословного славянского перевода с метрическими характеристиками византийского источника),⁶ так и обобщающих историко-культурных и литературных (в особенности при утверждении о "существовании древнеболгарской поэтической школы парафрастического стихотворного силлабического гимнографического перевода и поэтического подражания").

В частности, подлежит особенно глубокому осмыслению тот факт, что "Точный византийский структурный прототип *Ильиной книги* и *Путьиной минеи*, наиболее полных и типологически выразительных архаичных славянских рукописей, выявить среди изученных византийских источников не удалось". Но тем не менее автор считает возможным полагать, что "...праздничная минея *Ильина книга*, типологически наиболее древняя из всех известных славянских служебных миней, представляет собой *сокращённый вариант полной греческой служебной минеи архаического неконстантинопольского типа*". Не до конца прояснена и эксплицирована в работе роль литургической традиции Южной Италии для формирования региональных, в частности, западных южнославянских. Не удалось автору найти и "точной параллели «студийско-алексиевским» минеям" среди миней древнерусских, что не препятствует дальнейшим обобщающим выводам. Также, например, трудно верифицировать авторское указание "на некий международный монашеский центр, точнее — на межславянско-греческую контактную зону как на источник новосавваитского влияния. Учитывая историю распространения Иерусалимского устава на христианском востоке в одиннадцатом — тринадцатом столетиях, таким центром, вне всякого сомнения, был Афон".

В связи с этим встает важный для филологии нашего века вопрос. Как преодолеть фактографический атомизм, методическую разобщенность и вынужденную спекулятивность реконструкций и историко-культурных обобщений при филологическом исследовании текстов-разрозненных свидетелей фрагментарно сохранившихся письменных традиций, что в совокупности снижает достоверность окончательных результатов? Как скоординировать

⁶ По мнению оппонента, гипотетичны все предложенные автором реконструкции славянских "архетипов", долженствующих воспроизводить изосиллабизм византийского гимна. Некоторые из них особенно малоубедительны, как *пастырьми* vs. *пастыри*.

слишком большой объем слишком разнородной и слишком сложно организованной информации? Возможно ли это сегодня без обращения к электронной форме представления материала и обработки его компьютерными методами? Нужно ли подчинить решение многочисленных разрозненных задач достижению единой цели исследования и, если да, то как именно это сделать? С общетеоретической точки зрения можно было бы обратить внимание на системную взаимосвязь методов, достоверность связей между фактами, установленными палеографически, кодикологически, текстологически, переводоведчески и, например, лингвистически. Тем более что диссертация Р. Н. Кривко нацелена все же не просто на непосредственное наблюдение и дескрипцию, а на *разработку комплексных методов реконструкции*. Как бы то ни было, в практическом плане отсутствие в работе просто схем и просто таблиц существенно затрудняет восприятие и систематизацию столь множественной информации.

Работу очевидно красят глубокие рассуждения на такую центральную тему славистической медиевистики, как объем понятия "церковнославянский язык". Творчески дискутируя с определениями, обобщающими характеристиками и положениями Г. Кейперта в новейшей энциклопедической статье (Keipert, Helmut. Kirchenslavisch–Begriffe// The Slavic Languages. An International Handbook of their Structure, their History and their Investigation. Ed. by Ed. by Gutschmidt, Karl / Kempgen, Sebastian / Berger, Tilman / Kosta, Peter. Band 2. Berlin: Mouton de Gruyter, 2014. S. 1211–1252.), Р. Н. Кривко предлагает ввести понятие "Церковнославянский как язык-подражание" («Kirchenslavisch als Nachahmungssprache») в качестве своего рода расширенного варианта определения «Kirchenslavisch als Konstrukt»: "...если «конструкт» предполагает создание или заимствование языковых элементов для выражения отсутствующего в культуре содержания, то «подражание» означает моделирование и использование таких языковых вариантов, которые построены по образцу языка доминантной культуры, несмотря на наличие в воспринимающем языке собственных, независимых от языка этой культуры вариантов". По мнению оппонента, дискуссия о сути церковнославянского языка заслуживает более центрального места, нежели отведенное для нее автором заключение раздела об уже упоминавшихся 123-х вводимых в научный оборот лексемах, из которых более 80 являются морфемными кальками.

Полезна, также по мнению оппонента, помещенная в сноску полемика с болгарскими коллегами о "восточноболгарских признаках" (перфект без вспомогательного глагола, постпозитивные *тъ* и *сь* в сочетании с существительными, энклитические формы датива личных местоимений в посессивной функции), якобы "формирующих облик ранних произведений книжного круга Плиски и Преслава".

В работу совершенно необходимо было включить обсуждение содержания используемых историко-лингвистических терминов, как минимум являющихся центральными для изложения – "старославянский язык", "старославянский корпус", "церковнославянский язык", "церковнославянская традиция", "юго-западный извод древнего церковнославянского языка", "западноболгарский", "древнезападноболгарская (македонская) письменная традиция", "древнеболгарский текст", "древнеболгарский этап истории текста", "славянский юго-запад", "юг, восток славянского письменного ареала"⁷ и мн. др. Среди прочих вызывает вопросы уравнивание "греческий образец, или типологический прототип", поскольку между греческим образцом и славянским текстом наблюдаются отношения не типологического сходства, а оригинала и перевода.

Работа написана практически безупречным русским языком. Неизбежные при таком объеме текста не слишком многочисленные опечатки его восприятия не затрудняют (старый *шрифт* кодекса Ганкенштейна, церковнославянской, установленны, известны, тексты, согласуется с данными Ильиной книгой, в начале статьи, отредактированных на основе патриарха Алексия Студита, Entsprechung, established, характера и др.). Нарушений логики исследования или логики изложения нет. Повторы обобщающих положений, которые представляются автору особенно важными, играют роль полезного напоминания читателю.

В итоге можно констатировать, что успешно примененные в работе различные методы филологического (языковедческого и литературоведческого) исследования позволили автору точно и всесторонне описать славянские (и частично – греческие) служебные минеи, высказать вполне обоснованные гипотезы об утраченных звеньях текстологической традиции, убедительно изложить историю славянского текста и эксплицировать ряд особенностей языка как отдельных (славянских и греческих) рукописей, так и их групп. В качестве первоочередной задачи отечественной славянской филологии необходимо признать совершенствование ее фактической основы, достигаемое путем критического издания текстов и их тщательной лексикографической обработки. В этих областях диссертанту принадлежат неоспоримые заслуги, а на дальнейшие его работы нашим филологическим сообществом возлагаются особые ожидания.

Оригинальная работа Романа Николаевича Кривко в полной мере опирается на результаты трудов предшественников, основана на более чем достаточной источниковой базе, включена в контекст современных славистических исследований в России и в мире, методологически и качественно соответствует мировому научному уровню в *минейной филологии* как избранной диссертантом для специализации отрасли славяноведения. Цель работы достигнута, задачи решены, выносимые на защиту положения нашли свое

⁷ К какой "части" славянского письменного ареала относить Синай, Вифинию, Афон?

обоснование. Диссертация Р. Н. Кривко является самостоятельной, законченной квалификационной научной работой и полностью соответствует критериям, установленным постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 года № 842 (пп. 9, 10, 11, 13, 14 "Положения о порядке присуждения ученой степени"), а ее автор заслуживает присуждения ему ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.02.03 – Славянские языки.

ведущий научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН, доктор филологических наук, профессор Андрей Николаевич Соболев

Санкт-Петербург, 30 сентября 2016 года

/А. Н. Соболев/

Соболев

